

И.И. Филатова

«Сектор Давидсона»: заметки постороннего

Семьдесят первый год – год создания сектора истории Африки в Институте всеобщей истории – был первым годом моей аспирантуры. Я никогда в этом секторе не работала и не училась, так и осталась посторонней. Но так сложилось, что он стал для меня единственным «моим» научным коллективом. Сложилось, конечно, не случайно. На Кафедре африканистики в Институте стран Азии и Африки, где я проработала девятнадцать лет (да еще и проучилась восемь), историков, кроме меня, было только двое: сначала Николай Георгиевич Калинин и Аполлон Борисович Давидсон, а потом Аполлон Борисович Давидсон и Элеонора Сергеевна Львова. На этих, очень разных, троих мы вели «учебный процесс» и писали программы, учебники и учебные пособия. Но научного коллектива из трех человек, занятых разными проблемами и темами, сложиться никак не могло. Да и зачем было его складывать, когда Давидсон именно это и делал, только не в МГУ, а в Академии?

В студенческую бытность мы с коллегами по группе суахили ходили иногда к Аполлону Борисовичу «на прием» в Институт Африки, на Староконюшенный. Давидсон пришел к нам на второй курс и стал для нас «главным» историком. Занятия с ним были самыми интересными, и не только в смысле истории Африки – они были куда шире. Чего в них только не было! К тому же Аполлон Борисович был хорош собой, интересен, динамичен. Говорил ярко, нетрафаретно, занятия вел увлекательно. Не укладывался он в рамки тогдашней советской академической обыденности.

Аполлон Борисович «принимал» нас в предбаннике, напротив вешалки, где стоял низкий старый диванчик со столиком. Он всегда был центром институтской круговерти. На заседания Института Африки мы тогда не ходили, да не очень-то и хотелось: по сравнению с Институтом Востоковедения, куда мы с моим однокурсником, Валерой Шараевым, иногда заглядывали, ничего интересного там, как нам казалось, не происходило.

А тут вдруг – у Давидсона свой сектор! В Институте истории! Одним из самых сильных академических институтов страны. Как бы этот сектор потом ни величали – отделом ли или центром, он всегда оставался сектором Давидсона.

Конечно, в этот сектор я стала ходить, как на работу. Там было интересно. Аполлон Борисович приводил туда людей, которые могли рассказать что-то необычное, совсем не обязательно про Африку, и даже не обязательно про историю. Интересными были сами эти люди, а это было тогда редкостью. Самые лучшие «оттепельные» историки, самые интересные востоковеды, журналисты, работники «практических» организаций, связанных с Африкой и бывавших там, вплоть до ЦК КПСС. И африканцы, конечно. Где бы еще мы могли на всех этих людей посмотреть, и где бы могли прочитать то, что они нам рассказывали?

Сейчас это кажется средневековьем, но в доинтернетную эпоху такие устные свидетельства были куда важнее, чем сейчас. Не только из-за «радости человеческого общения», но и просто для сухой информации, которую негде было больше почерпнуть. Тем более, по Африке, которая даже в 70-е годы все еще была для России terra incognita, и которую мы изучали без большой надежды когда бы то ни было увидеть ее своими глазами.

Направления работы для своего сектора Аполлон Борисович выбирал как раз с учетом того, насколько непрофессиональной была тогда наша африканистика и насколько сложно было находить материалы по Африке, особенно первоисточники. Своим аспирантам он старался давать такие темы, по которым можно было найти оригинальные источники и сказать что-то свое, новое. И такие же направления выбирал для своего сектора.

Первым таким направлением стало изучение источников по истории Африки. Идея была в том, чтобы разобраться, какие источники по Африке существуют вообще, даже если их нет у нас, в чем их особенности, в чем специфика их использования. Для СССР она была новаторской: специалистов по ней не было. О новых источниках по истории Африки тогда только начинали писать и в Африке, и на Западе, где возможности изучения истории континента были куда богаче российских. К тому же академической бюрократии тема эта казалась еще и периферийной, особенно для Африки: там ведь социализм строят, а вы тут устной традицией занимаетесь. Так что сложности были большие. Среди авторов первого труда, опубликованного сектором в 1977 году, «Источниковедение африканской истории», только двое, кроме Аполлона Борисовича, были его сотрудниками: Георгий Викторович Цыпкин и Владимир Ефимович Овчинников. Остальная секторская и околосекторская молодежь, включая и меня, была еще слишком зелена, чтобы освоить незнакомую сложную тематику.

Я вообще тогда занималась чем-то совершенно другим: пыталась писать кандидатскую диссертацию про белое меньшинство Кении. Почему именно про него, не помню. Восточная Африка – понятно, но почему поселенцы? Подозреваю, что Аполлон Борисович не возражал против моего вынесенного, наверно, из Майн Рида интереса к поселенческой романтике опять-таки из-за источников. В российских библиотеках по поселенцам было много всего – и книги о них, и их книги, и много чего другого. Чисто источниковедческая тематика была от меня тогда весьма далека.

Но вот обсуждения «Источниковедения» в секторе я помню. Коллеги были друг к другу и жестки, и доброжелательны; и требовательны, и снисходительны. И все это одновременно, и все одобрено изрядной долей юмора - тут уж с Георгием Викторовичем никто не мог сравниться.

То же самое – и со следующим секторским томом, «Историческая наука в странах Африки», опубликованном в 1979 году. Он уже был создан в основном силами сектора, и в нем уже нашлось место юному Александру Степановичу Балезину, а из посторонних – и мне. А это означало, что на обсуждениях теперь нужно было и презентовать свою писанину, и отбиваться от претензий коллег, или смиренно их принимать. Поэтому и запомнились они мне, наверно, еще отчетливее. На эти обсуждения, как и на доклады,

приходил народ и из ИСАА, и из Института Африки. Комната сектора бывала забита до отказа – а тогда, в старом здании ИВИ, она была больше, чем нынешняя.

В том или ином виде историография тоже стала одним из основных направлений работы сектора. Когда я работала над той статьей, историография еще казалась мне наукой несколько формальной, скучноватой. Потом пришлось писать о ней немало, и я поняла, конечно, что тут-то и шли настоящие баталии. Не обошлось без них и в том сборнике. Можно ли говорить об «африканской» историографии? Если да, то что это такое? И чем она отличается от «историографии стран Африки»? Скажем, если историки из африканских стран, белые ли, или чернокожие, учились или работают, или и то, и другое, в Европе – то это какая историография? И, наоборот, если историк учился и начинал свою карьеру в Европе, а потом прожил всю жизнь в Африке и писал только о ней, то он кто – африканский историк или европейский? Были и куда более серьезные для сектора дебаты - но об этом чуть позже.

Обсуждались, конечно, и диссертации – сектор был молодой, и защищаться всем только предстояло, кому по первому разу, кому по второму. Их обсуждали особенно строго и особенно доброжелательно. Свою я, правда, обсуждала в ИСАА, на кафедре, но коллеги из сектора были и высказали все, что они об этом думали. Эти обсуждения были для меня настоящей профессиональной школой. Отношение к аспиранту в то время было иное, чем к студенту. Студент закончил институт и ушел, куда глаза глядят. А аспирант в те времена почти неизбежно становился коллегой – иначе зачем вообще идти в аспирантуру? Выбор этот был по любви: платили в Академии, как и в университете мало, поездок в Африку, а тем более куда бы то ни было еще, академическая карьера не предусматривала.

Кафедра и сектор были тесно связаны. Сектор постепенно заполнялся выпускниками кафедры - кто шел в туда в аспирантуру, кто сразу на работу. Это были люди, специальностью которых была именно африканистика, и которые изучали разные аспекты этой комплексной дисциплины ни мало ни много пять лет. Студенты учили не только африканские языки. Тем, кто специализировался по истории Африки, читали источниковедение и историографию континента, этнографию, историю разных периодов и регионов и литературу африканских стран. Это – кроме «истории стран Азии и Африки» и всеобщей истории (которой было, правда, маловато). В то время таких специалистов в Институте Африки - крупнейшем профильном академическом институте, занимавшемся Африкой – не было. Потом я узнала, что такой интенсивной академической подготовки студентов по специальности «африканистика» не было и за рубежом. Историкам-африканистам нигде не читали ни этнографии, ни историографии, ни источниковедения, ни литератур Африки. На африканские языки отводилось обычно только два года. Другое дело, что западное образование предусматривало практику в африканских для тех, кто по ним специализировался, и это, наверно, было куда эффективнее.

Обсуждения были не только общими. Мы читали многие работы друг друга, даже если они не относились к коллективным трудам. Не все обсуждения были публичными, иногда шли частным порядком. Больше всего времени и внимания уделяла этой работе

Гера Ивановна Потехина, щедрая душа сектора. Она тоже пришла в сектор из ИСАА. Занималась она африканскими литературами и в ИСАА читала курсы по этой тематике. Как же она сидела над нашими текстами! Как разбирала каждое слово: смысл, стиль, содержание - часами! Аполлон Борисович тоже, конечно, читал все, и тоже обсуждал, советовал, рассказывал – он ведь был руководителем почти всех наших диссертаций и редактором всех наших книг. Но Гера Ивановна буквально пестовала нас, сколько бы там ни было нам лет, и сколько бы времени у нее это ни отнимало. Может быть, потому и написала всего одну книгу. Аполлон Борисович этого не делал. Не знаю, что он о своей молодежи думал, но даже в аспирантуре разговаривал с нами, как со сложившимися ученым, которым можно что-то аккуратно посоветовать, но не более того.

Свою докторскую о начале протестного движения в Южной Африке и о создании Южноафриканской Компартии Аполлон Борисович защитил как раз в 1971 году, в год создания сектора. Ему удалось получить для нее копии уникальных источников из Гуверовского Института. И даже посмотреть Коминтерновские документы в архиве КПСС, хотя ни цитировать их, ни ссылаться на них ему не разрешили. Так что тут проблема источников не стояла. Диссертация была издана книгой в 1973-м, но ее название далеко не всем пришлось по душе: «Южная Африка: становление сил протеста». Идеологические ортодоксы спрашивали: это какие силы протеста - с классовой точки зрения? Но до совсем недавнего времени зарубежные историки, занимавшиеся этой тематикой, сожалели о том, что книга так и не была переведена на английский язык: далеко не все материалы, на которых она была основана, были им доступны.

Завершив эту работу, Аполлон Борисович обратился к теме, которая позже стала одним из магистральных направлений работы сектора: историческим связям России и Африки. По ней он опубликовал в 70-е годы две книги, «Облик далекой страны» и «Зов дальних морей». Обе – в соавторстве с Валентином Александровичем Макрушиным, своим дядей. Не буду возвращаться к тому, насколько новаторскими были эти книги для советской историографии того времени – не раз уже писала об этом. Их раскупали, читали, обсуждали, но академическим мужам в ИВИ и Институте Африки они казались недостаточно академичными.

79-й год оказался для сектора тяжелым. Умерла Гера Ивановна. Ушел с заведования Институтом и с поста академика-секретаря Исторического отделения Академии Евгений Михайлович Жуков. Он был болен, и уже задолго до ухода передал институтские дела своему заместителю, Ахмеду Ахмедовичу Искендерову. Жуков отнюдь не был светочем прогресса: с его именем связывали удушение оттепели в исторической науке. Но резких идеологических нападков на сектор Давидсона при нем не было. С Искендеровым получилось иначе. Ему хотелось, конечно, занять директорское кресло, и в этом ему очень помогала Ирина Евгеньевна Сеницына, сотрудница сектора, пользовавшаяся большим влиянием на самых верхах Исторического отделения Академии. В 79-м Искендеров стал членом-корреспондентом, а у Аполлона Борисовича, к несчастью, испортились отношения с Сеницыной.

Ситуация в секторе стала напряженной. Обвинить беспартийного завсектором в идеологических грехах было проще простого. И обвинили: в недостатке классового подхода во введении к «Исторической науке в странах Африки». Написав это, перечитала введение и так и не поняла, куда же там еще можно было этот подход вставить. Даже доклад Брежнева на XXV съезде КПСС был процитирован. Самым поганым в этой истории было то, что на разгромном заседании дирекции, где всю работу сектора объявили идеологически неверной, двое его сотрудников поддержали обвинения. Одним из них был Андрей Михайлович Пегушев, пришедший в сектор из Института Африки. Вторым - журналист Борис Александрович Шабаев, числившийся, вместе с Давидсоном, автором этого предисловия. Предисловия он не писал: Аполлон Борисович «подарил» ему соавторство, чтобы ему было чем заполнить план-карту. После заседания он объяснился в секторе: «Дают – бери, бьют – беги». Советская мораль.

Сектор переименовали, разбавили новыми людьми и дали ему другого начальника, а позже и вовсе расформировали. Это был полный разгром, и Аполлон Борисович ушел в Институт востоковедения, куда его с распростертыми объятиями принял Примаков, тогдашний директор и один из будущих светочей перестройки.

После этого я в ИВИ не бывала четыре года. Делать там стало нечего. Коллектива больше не было, ничего интересного для меня не происходило. Вела свои курсы в ИСАА и пыталась делать из диссертации книгу. История поселенцев, впрочем, увела меня совсем в другую сторону. Как они взаимодействовали с местным населением? Кто на кого влиял? Как менялись в колониальные годы африканские общества, которые у нас тогда с легкостью называли «традиционными»? Синие и белые книги в Публичной библиотеке были фантастически интересным экскурсом в эти сюжеты.

Эти изыски вылились в попытки осмысления тех социальных сдвигов, которые происходили в Африке в колониальные годы – то есть характера колониального общества. В результате история поселенцев превратилась в «Историю Кении» - одну из серии, в создании которой сотрудники сектора принимали активное участие. Овчинников писал «Историю Танзании», Цыпкин – «Историю Эфиопии» и еще две книги по этой стране. В секторе историей Кении занимался Пегушев, но свою «Кению» мне пришлось делать одной. На мое предложение писать книгу вместе Андрей Михайлович ответил: «Наука это не трамвай, где уступают место женщинам». Он опубликовал очень хорошую книгу о восстании Мау Мау, и мне жаль, что в «Историю Кении» результаты его исследований попали лишь в цитатах.

Что до колониального общества, то сходная тематика – трансформация института «вождей» и проблемы лидерства в африканских странах - интересовала и Александра Степановича, и он опубликовал по ней позже несколько книг, а вместе мы издали в секторе книгу «Колониальное общество Тропической Африки: взаимодействие цивилизаций». Тогда, конечно, с источниками по этой теме было не густо, но она осталась с нами надолго, и позже, когда мы получили могли уже работать в зарубежных архивах и получили доступ к широким просторам зарубежной литературы, ситуация изменилась. На базе намибийских архивов и личных наблюдений Балезин опубликовал

и книгу о немецких поселенцах в Намибии – то, чего мне с моими белыми кенийцами так сделать и не удалось.

Начало 80-х годов было временем совсем мрачным, и в ИСАА обстановка тоже была тяжелой. В 1975 году любимого всеми директора Александра Александровича Ковалева сменил Роман Тимофеевич Ахрамович. Ситуация менялась к худшему везде, но как же много все-таки зависело от личности! У меня с Ахрамовичем были свои неприятности, но расскажу только о том, что касалось Аполлона Борисовича. Он ведь продолжал все эти годы преподавать на кафедре африканистики.

В ИСАА были обязательные к посещению методологические семинары. На одном из них, году в 82-83-м, попросили выступить Аполлона Борисовича. Он говорил об Африке, затронув, в том числе и советскую политику на континенте. Рассказал, хотя и очень сдержанно, и о том, в чем «мы» там, в африканских странах, ошибаемся. Вдруг Ахрамович вскочил и с пеной у рта начал кричать: «Это кто ошибается? Может быть, это партия ошибается? А может быть, Леонид Ильич ошибается?» Все остолбенели. Такого на наших методсеминарах до этого все-таки не было. Пришлось партбюро заняться беспартийным преподавателем, но там тогда были хорошие люди, и дело спустило на тормозах.

В конце 70-х-начале 80-х годов вновь пышным цветом расцвел антисемитизм. В один прекрасный момент «сионистский заговор» обнаружился и в ИСАА. Не помню, а может быть и не знала, как дело начиналось, но один известный арабист, работавший в ИСАА на полставки, обвинил в сионизме нескольких преподавателей, в основном, с «нерусскими» фамилиями. Первой в списке стояла грузинка Ферида Мустафовна Ацамба, вторым – Аполлон Борисович Давидсон. Был в списке и Грачия Микаэлович Габучан, армянин. Остальных я не помню, как не помню и сути претензий к ним. Но это дело Ахрамович спустить на тормозах не дал. Дошло до суда, и Ацамба ходила туда защищать и себя, и Институт. К чести суда, состава идеологического преступления в деле не нашли.

Пишу об этих буднях ИСАА, чтобы было понятно, в каких условиях работали мы все, и насколько невероятным, было то, чего сумел добиться Аполлон Борисович, восстановив в 1984 году свой сектор.

В Институте востоковедения Давидсон возглавлял Группу по изучению национальных проблем. Он говорил тогда, что ему там хорошо: поддержка начальства и полная лояльность сложившегося зрелого коллектива. Примаков сумел даже пробить для него поездки за рубеж, до этого закрытые. Но, как только появилась возможность, то есть после того, как директором назначили не Искендерова, а недолюбливавшую его Зинаиду Владимировну Удальцову, Аполлон Борисович стал добиваться восстановления сектора. Директором Института Африки был в это время Анатолий Андреевич Громько, сын всемогущего министра иностранных дел, и ему было, в общем, все равно, будет сектор, или его не будет – не его уровень. После долгих переговоров, походов по начальству и бюрократической волокиты сектор – теперь он стал отделом - восстановили. Это был 1984 год.

Конечно, народ посolidнел и оброс диссертациями и монографиями. Конечно, трудно было восстановить коллектив, как коллектив: ведь после расформирования сектора его сотрудников разбросали по разным секторам и отделам. Конечно, каждый занимался теперь своим. Четыре года не было ни коллективных трудов, ни обсуждений, ни «действ» с приглашением интересных людей. Но все работали, писали и публиковали, и все были счастливы объединиться снова. Нет, все же не все. Пегушев и Сеницына в сектор не вернулись. Зато пришла новая молодежь.

Новая эпоха принесла и новые темы, и новые возможности. В конце 80-х, в преддверии кардинальных перемен в ЮАР (а они были заметны уже всем), интерес к этой стране не просто вырос, а взлетел. Кругом шли конференции, круглые столы и ситуационные анализы с прогнозами на будущее. Увеличилось, конечно, и внимание к истории ЮАР, особенно к ее связям с Россией. Историей Южной Африки в отделе занимались трое. Руфина Рудольфовна Вяткина, которая одновременно вела и административные дела сектора (сейчас бы ее назвали менеджером), занималась историей начала XX века. Валентин Петрович Городнов писал о рабочем классе страны, а потом о восстании 1976 года в Соуэто. Аполлон Борисович, продолжая тематику исторических связей России и Африки, занялся сбором материалов по участию россиян в англо-бурской войне. К поиску материалов присоединилась и я. «Кения» была опубликована, и политический ажиотаж по поводу ЮАР повернул меня к новому для меня региону. Я копалась в Историческом архиве и в Публичке, и вместе с Аполлоном Борисовичем ходила к потомкам бывших российских добровольцев англо-бурской войны. Это было тогда куда интереснее колониального общества! Наша книга об этой войне и о ее российских участниках, была опубликована в ЮАР и теперь стала библиографической редкостью. А тема эта, как и вообще все, связанное с россиянами в Африке, позже стала фантастически модной. Кто только о ней потом ни писал! А Руфина Рудольфовна, вместе с сотрудниками Института Африки опубликовала 13-томное издание архивных и печатных документов этой войны.

Архивная революция начала 90-х перевернула всю работу отдела. Для меня она началась странно. Узнав, что открылись архивы, в частности архив Коминтерна - и абсолютно этому не поверив – я дала нашему третьекурснику, Дмитрию Ильичу Сучкову, тему курсовой по Джомо Кениате и сказала: «сходите на всякий случай в РЦХИДНИ, ¹ вдруг они там и вправду открыли что-то про учебу Кениаты в КУТВе. Но не думаю, что Вы что-нибудь стоящее найдете». Он сходил. Посмотрела я на его находки и ахнула: там было все. Вплоть до кутвовского псевдонима Кениаты и его «идеологической» характеристики, написанной его преподавателями. И вот тут мы с Городновым бросились в архив. Я просидела там несколько месяцев, до своего отъезда в Южную Африку. Валентин Петрович – несколько лет. Архив его преобразил.

Я знала Валентина Петровича много лет, сначала в Институте Африки, где он заведовал сектором Юга, потом в секторе Аполлона Борисовича. Иногда мы заходили куда-нибудь посидеть, обсудить обстановку, попить кофе. Но знакомство с архивом

¹ Теперь – РГАСПИ, Российский государственный архив социально-политической истории, бывший архив КПСС.

Коминтерн изменило его до неузнаваемости. Он мог говорить про свои находки там часами, с неизменной страстью. Кто, что, где, как. Не вовлеченного в эту тему собеседника мог довести до изнеможения. Но не меня. Мы все тогда были увлечены этим архивом.

Вскоре после открытия архива говорили как-то о нем с Давидсоном. Дело было у него дома, на кухне. И тут Аполлон Борисович вспомнил, что у него были записаны расшифровки псевдонимов учившихся в КУТВе южноафриканцев – результат его разговоров с работавшими там Иваном Изосимовичем Потехиным и Александром Захаровичем Зусмановичем. Этих расшифровок (в отличие от псевдонима Кениаты) мы в архиве не нашли, а без них материалы были «слепыми». Скорее всего, сказал Аполлон Борисович, тетрадь с этими записями где-то вот тут, наверно, на антресоли. И тут же начал вытаскивать с этой антресоли все, что в советские времена в таких местах хранилось. Мне даже пришлось забраться внутрь, чтобы вытащить самые последние коробки и сумки. Антресоль была длинной и узкой, и у Аполлона Борисовича не хватило на это рук. Вся кухня была завалена утварью и бумагами, но сколько было восторга, когда заветная тетрадь нашлась! И все же такой страстной увлеченности, с которой разрабатывал Коминтерновский архив Горднов, не было, кажется, ни у кого.

Потом мы с Валентином Петровичем, Аполлоном Борисовичем и американским историком Шериданом Джонсом опубликовали двухтомник коминтерновских документов по Южной Африке на английском языке, а Аполлон Борисович и Валентин Петрович - том таких же документов по Африке. Не говоря уже о многочисленных статьях. Это был новый аспект темы исторических связей России и Африки, ставшей для отдела одним из магистральных. Не Южная Африка и не Коминтерн сам по себе, а публикация архивных документов по связям России и Африки.

Публикация документов – тяжелое и неблагодарное для историка дело. Оно предельно трудозатратно, занимает колоссальное количество времени и не приносит ни признания, ни славы. Мне жаловалась на это даже Гейл Герхарт, американский историк, опубликовавшая пять из шести колоссального объема томов «документированной истории» африканского протеста в Южной Африке. Результатами пользуются все, но относятся к таким публикациям без уважения. Как сказал один из представителей академического начальства (пересказываю со слов Аполлона Борисовича), «Ну, вы там все только документы публикуете».

Отдел опубликовал три тома архивных документов «Россия и Африка. Документы и материалы». Первые два появились в 1999 году. Я не принимала участия в их создании – время их подготовки пришлось на самый разгар моих приключений в Южной Африке и работы над публикацией документов Коминтерна. Зато написала на них три рецензии. Судя по тому, что первый том, содержащий документы об истории отношений между Россией и Африкой до 1917 года, был раскуплен моментально, россиянам именно этот том показался самым интересным. Второй том, если судить по покупкам, такого энтузиазма не вызвал. Он был посвящен событиям от большевистской революции до Года Африки, а советская эпоха была, видимо, слишком свежа в памяти тех, кого такие книги могли интересовать, и особого интереса не вызывал. За рубежом

все было как раз наоборот. После моих рецензий вопросы посыпались именно о втором томе: уж очень лакомые там были документы о начале холодной войны, об установлении первых дипломатических отношений и о конголезском кризисе. Мне писали, просили перевести кусочки и дать точную ссылку на документ – не ссылаться же на рецензию.

Третий том, появившийся только что, к юбилею, станет, похоже, если не блокбастером (1000 с лишком страниц - слишком много для коммерческого успеха), то во всяком случае классикой. В нем – документы с 1961-го до начала 70-х. Я принимала в подготовке этого тома некоторое участие, и из-за этого рецензии писать на него не могу. Чему я чрезвычайно рада, потому что находок и открытий там столько, что освоить и переварить весь этот материал – колоссальный труд. И это несмотря на то, что получать документы в архивах стало куда сложнее, чем в 90-е годы прошлого века. Огромного уважения заслуживают составители, и особенно Сергей Васильевич Мазов, доведивший этот том до ума.

Публикации документов – и дореволюционных, и коминтерновских, и времен холодной войны – внесли огромный вклад в изучение не только отношений нашей страны с Африкой. Они расширили и наше понимание внешней политики России и СССР в целом. Наибольший резонанс за рубежом получили документы о времени холодной войны. И совершенно справедливо. События этой эпохи до сих пор ведут к самым жарким идеологическим баталиям, и никто в России не сделал больше, чем отдел Давидсона для того, чтобы поставить африканскую их часть на солидную источниковую базу.

На этом богатейшем материале были написаны и индивидуальные монографии. Это «СССР и Африка. 1918-1960» Давидсона, Мазова и Цыпкина, и две монографии Мазова о политике СССР в Западной Африке и в Конго в годы холодной войны. Одна из них, о Конго, была опубликована Стэнфордским университетом, и это действительно поставило работу отдела – теперь уже центра - на этом направлении в самый центр исследований холодной войны на африканском континенте. А мы с Аполлоном Борисовичем опубликовали три книги об истории отношений России и Южной Африки в двадцатом веке, последнюю - в Южной Африке.

Мне очень жаль, что столь немногие труды центра были переведены на английский. Не только потому, что это позволило бы зарубежным коллегам по достоинству ценить работу этого коллектива, но и потому, что его вклад обогатил бы мировую африканистику документами, сюжетами и подходами. Прежде всего, это относится к истории холодной войны: опубликованные отделом документы дают ценнейший материал для исследователей событий той эпохи. Но они их не знают.

Важным направлением работы центра стало изучение истории отечественной африканистики. Это было продолжением историографической тематики отдела, но все же особым ее аспектом. Предшественникам нынешних российских африканистов можно предъявить много претензий. Они не знали Африки, но уверенно писали о ней, подгоняя ее реалии под категории марксистской классовой теории. Столь же уверенно они давали африканцам советы, как тем строить политику в своих странах. Их

исследования были прикладными: они были подчинены главной цели Коминтерна - революции. По сути, африканисты 1930-х годов работали на идеологическом фронте, а не на научном, что было и естественно для Коминтерна, одного из двух центров, где зарождалась советская африканистика.

В работах на эту тему, в которых мне тоже довелось участвовать, коллектив центра, конечно, об этом писал, но отнюдь не только об этом. Первые советские африканисты представляли в работах центра, как люди, а не только как авторы текстов. Ведь некоторых из них мы еще помнили, а Аполлон Борисович и хорошо знал. Вторых, и это, наверно, главное: о них писали, как об ученых, поставленных в определенные исторические условия, и оценивали, чего им удалось достичь, вопреки этим условиям или благодаря им, а чего нет. И каков был их вклад в мировую африканистику в контексте своего времени, а не современности. Казалось бы, ничего необычного – только так и можно писать историографию. Но такой подход в зарубежной африканистике сейчас не в моде. И в Африке, и на Западе предшественников принято не хвалить за то, что они сделали нового по сравнению со своими предшественниками, а низвергать с пьедесталов и безжалостно расправляться с ними за то, чего они не сделали, или что сделали не так – и именно с точки зрения сегодняшних норм и подходов, а не контекста их эпохи.

«Сектор Давидсона» опубликовал невероятное для той горстки людей, которые в нем работали, количество трудов. И личных, и коллективных. Не буду их перечислять: это целая библиотека. Это уникальный коллектив со своей историей, своими традициями и своим лицом. Таковым он был в советское время, таковым остается и до сих пор.

В последнее время о советской и пост-советской африканистике написано немало: она интересует зарубежных исследователей как часть интеллектуальной составляющей холодной войны и пост-колониального/пост-советского политического пространства. Во всех этих аналитических трудах она изображается, как единое неделимое целое. «Советские африканисты». «Пост-колониальные советские африканисты». «Советские акторы». ² Мне, как человеку, побывавшему во всех этих советских и пост-советских качествах, такие обобщения кажутся неоправданно широкими. Конечно, советская и российская африканистика существовала и существует, но, как и любая другая историография, она представлена разными тенденциями, традициями и направлениями. Ведь даже в 1979 году, когда мы писали об историографии стран Африки, мы пытались анализировать разные ее аспекты и тенденции, не сводя это многообразие к «африканской историографии».

Анализируя советскую и пост-советскую африканистику, германская африканистка Штеффи Марунг, писала: «Советские африканские исследования определенно не были гомогенным полем, но были институализированы в различных местностях и институтах, включая различные региональные отделения Советской

² Примеры из: Steffi Marung. Out of Empire into Socialist Modernity. Soviet–African (Dis)Connections and Global Intellectual Geographies. Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. Duke University press, Vol. 41, Issue 1,1 May 2021.

академии наук и университеты по всему СССР. Они также различались по своим научным подходам и сильным сторонам, от философии, культурологии и антропологии до истории и прикладных социальных наук. Отношения между этими, зачастую междисциплинарными центрами, как и их отношения с теми, кто принимал политические решения, были не гладкими». ³ Но поместила она это справедливое замечание в сноску. Вся остальная ее статья написана без малейшего учета реальности этого разнообразия, без которой понять советскую африканистику, как и саму эту реальность, невозможно.

Центр африканских исследований ИВИ и созданные им труды редко упоминаются в зарубежных исследованиях советской и пост-советской африканистики, хотя являются ее большой и важной составляющей. Видимо, они не укладываются в стереотип «советского африканиста». Да и пост-советского тоже. Особость центра – в устойчивом противостоянии идеологическим доминантам, политическим веяниям и академическим модам разных эпох, которые он пережил, от «классового подхода» до постмодернистского новояза. На протяжении пяти десятилетий своего существования центр выбирал для своих исследований и публикаций темы и направления, в которых мог сказать и сделать что-то новое и значимое. И подходил к ним с максимальной объективностью и научной честностью, без которых невозможна профессия историка. Подогнать этот вклад в африканистику под стереотипы «советской и пост-советской африканистики» трудно.

³ Ibid, p. 67.